

Чжан Цзунхуа
Цзян Яньхун

УДК 008
<https://orcid.org/0000-0002-5736-5532>
<https://orcid.org/0000-0001-9092-6701>

Русское дворянство и восточноазиатская культура в Шанхае (1917-1949)

Для цитирования: Чжан Цзунхуа, Цзян Яньхун Русское дворянство и восточноазиатская культура в Шанхае (1917-1949) // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 1 (20). С. 160-174.
DOI 10.20323/2499-9679-2020-1-20-160-174

В статье рассматривается история пребывания русских дворян в Шанхае после Октябрьской революции (1917-1949) и их деятельность в различных областях. Отмечается, что с получением статуса открытого города в 1843 г. и упразднением иммиграционных правил город стал привлекательным местом для вынужденных переселенцев, разного рода авантюристов, а также для торговых людей, включая русских купцов и промышленников. Подчеркивается, что массовая эмиграция русских дворян в Шанхай началась в 1918 г., причем все местное население, включая многочисленных граждан других государств, было против присутствия в городе русских, среди которых было много людей без средств к существованию. Отмечается, что после установления дипломатических отношений между Китаем и Советским Союзом в 1924 г. произошла дифференциация российских эмигрантов на граждан СССР и на эмигрантов-белогвардейцев без гражданства, причем представители русской аристократии отказывались принимать советское гражданство, предпочитая гражданство других стран, включая китайское гражданство. Подчеркивается, что в ходе адаптации к местным условиям российские эмигранты-дворяне к концу 1920-х годов стали хорошо одетыми, энергичными жителями Шанхая, к середине 1930-х годов их численность возросла до 20 тыс. человек. Отмечается, что 70 % эмигрантов-белогвардейцев имели постоянную работу, другие 30 % делились поровну на людей свободных профессий и уголовный элемент. Отмечается активное участие эмигрантов-дворян в экономической жизни Шанхая, имевших в собственности универмаги, магазины, аптеки, парикмахерские. Исследуется активное участие эмигрантов-дворян в культурной жизни Шанхая, в частности, Шанхай стал литературным центром российской диаспоры в Китае. Здесь функционировали три русских музыкальных центра, включая Шанхайский симфонический оркестр. Отмечается большой вклад российских эмигрантов-дворян в развитие системы образования Шанхая. Они основали 12 общеобразовательных групп, 5 российских школ, 12 технических училищ, 3 дворянских образовательных учреждения. В заключение подчеркивается, что демократическая система, установленная в Шанхае капиталистическими странами Европы и Америки, обеспечивала российским эмигрантам-дворянам относительную свободу и дала возможность проявить свои таланты в сфере политики, экономики и культуры.

Ключевые слова: Октябрьская революция, русские эмигранты-дворяне, изгнание в Шанхае, успех.

Zhang Zonghua, Jiang Yanhong

Russian nobility and east-asian culture in Shanghai (1917-1949)

This paper is a historical review of the Russian nobility's presence in Shanghai after the October Revolution (1917-1949). It is noted that after obtaining the status of an open city in 1843, the immigration regulations having been demolished, the city became an attractive place for forced migrants, adventurers, fortune-seekers and merchants, including Russian tradesmen and manufacturers. The authors claim that mass immigration of the Russian nobility to Shanghai started in 1918, with the whole local population including numerous foreign citizens being against it, the more so as many of the Russian immigrants were without means of support. It is stated that the period following 1924 when diplomatic relations were established between China and the Soviet Union saw differentiation of Russian migrants into the Soviet citizens and the White Russian emigrants. Moreover, representatives of the Russian nobility refused to take Soviet citizenship favouring the citizenship of other countries including China. It is worth noting that having adjusted to local customs at the end of the 1920s, the Russian nobility, now vigorous and well-dressed people, were actively involved in the life of Shanghai. By mid-1930s their population had increased to 20 thousand people. 70 % of the White Russian immigrants had regular jobs with the other 30 % being involved in freelance and criminal activities. The Russian nobility's active participation in Shanghai economic life is proved by their running department stores, small shops including chemist's and hairdressing salons. The article also explores the Russian nobility's involvement in the cultural life of Shanghai, illustrating it by the fact of Shanghai's becoming a literary center of the Russian expatriate

community in China. The authors also note the establishment of 3 Russian musical centers including Shanghai symphony orchestra. It is emphasized that the Russian noble immigrants greatly contributed to the development of the educational system of Shanghai. They established 12 general education groups, 5 Russian schools, 12 technical schools, 3 educational institutions for the noble families. The research highlights the fact that the democratic system established in Shanghai by the capitalist countries of Europe and America gave the Russian nobility relative freedom as well as the opportunity to demonstrate their talents in political, economic and cultural realms.

Keywords: October Revolution, Russian nobility migrants, expatriation in Shanghai, success.

Диаспоры давно являются общественно-политической реальностью. История России в XX веке была захватывающей: две мировые войны и «Холодная война» между Востоком и Западом, в которых Россия была основным полем битвы; три национальные революции (Февральская революция 1917 г., Октябрьская революция 1917 г., перестройка, проводившаяся М. Горбачевым, и реформы, осуществлявшиеся Б. Ельциным) значительно изменили судьбу и внешность русской нации и всего мира. В 1917 году Октябрьская революция привела к коренным изменениям в политических, социальных, экономических и культурных структурах России, а миллионы русских эмигрантов отправились в изгнание по всему миру. Китайские ученые детально исследовали различные аспекты пребывания российских экспатриантов в Китае после Октябрьской революции. Однако авторы намерены продолжить изучение данного вопроса, начатое в предыдущей статье [Чжан Цзуньхуа, Цзян Яньхун, Хань Вэньсюань, 2017], так как социально-экономическая и культурная адаптация русских дворян-эмигрантов в Шанхае продолжалась в течение последующих лет, что требует дальнейшего рассмотрения.

1. История пребывания русских дворян в Шанхае

Русские эмигранты в Китае до Октябрьской революции

Трехсотлетняя история пребывания русских в Китае прослеживается с 1780-х годов до 1950-х годов и разделяется на четыре периода: с конца XVII века до середины XIX века, с середины XIX века по начало XX века, после Октябрьской революции, а также во время Второй мировой войны [Хуан Диньтян, 2004, с. 15]. После Октябрьской революции Харбин, который уже сформировал «небольшую российскую диаспору» благодаря строительству железной дороги на Дальнем Востоке, стал идеальным убежищем для этих людей. Значительная часть российских экспатриантов осела в Харбине, но многие продолжили свой путь через различные города и водные пути Китая

к Шанхаю. Российская диаспора прошла три этапа своего пребывания в Шанхае: 1917-1933, 1933-1941 и 1941-1949 гг. [Ван Чжичэн, 1995, с. 60].

Шанхай, будучи расположенным в середине западной части Тихого океана и в дельте Янцзы – водного пути, соединяющего многие города и провинции Китая – предоставлял уникальные возможности для развития внешней и внутренней торговли. Это «Золотое побережье» как в XIX-ом, так и в XX-ом в. привлекало особый интерес европейских и американских предпринимателей, что способствовало укреплению Шанхая как международного торгового центра на Дальнем Востоке [Пан Гуан, Ван Цзянь, 2002, с. 48]. В ноябре 1843 года Шанхай получил статус открытого города, так как здесь в качестве господствующей укрепились власти не связанных с Китайской Империей социально-политических групп, преследовавших свои экономические интересы. Местные власти Шанхая имели исключительную юрисдикцию, упразднившую иммиграционные правила, что сделало город привлекательным местом для авантюристов, изгнанников и преследуемых людей. По причине многонационального населения Шанхай получил название «Город десяти тысяч стран» и превратился в международный город, в котором также обосновались крупные финансовые и торговые институты мира [Мосински Сэм, 2012, с. 25]. В Шанхае существовали три типа муниципальных органов власти и четыре типа судебной системы (верховный консульский суд, консульские суды, смешанный суд и китайские суды), три системы полиции, три транспортные системы. В городе функционировали три системы водоснабжения, три системы электропитания и два режима напряжения тока. Для трамваев существовало два типа шин [Сюн Юечжи, 2008, с. 1].

Шанхай в 1920-х и 1930-х годах превратился в многофункциональный экономический и культурный центр, объединявший судоходство, внешнюю торговлю, финансы, промышленность и информационные ведомства. Население Шанхая пополнялось как за счёт внутренней миграции китайского контингента из провинций Цзянсу, Чжэцзян и других 18 провинций, так и за счёт международной миграции из Великобритании, Франции, Японии,

России и других стран. Шанхай стал крупнейшим городом Китая по числу проживавших иностранцев.

Местная шанхайская валюта была диверсифицирована. Западные страны создали в Шанхае 18 банков, чтобы выпускать банкноты разных номиналов, символов, цветов и узоров. Среди крупных международных центров Шанхай не знал себе равных в мире по распространению валютной массы. В Шанхае сосуществовали различные системы образования, различные религиозные верования и районы для проживания людей, приехавших из разных мест, а также районы смешанного проживания. Этот плюрализм оказался возможным, потому что Шанхай той эпохи находился на краю как китайского, так и внешнего государственного контроля за правами, в регионе со сложным множеством культурных влияний. Великобритания, Франция, США и другие страны понуждали власти Шанхая к демократической системе западного стиля, в которой осуществлялись свобода слова, собраний, ассоциаций. Шанхай являлся «государством в государстве». Все группы иммигрантов могли легко найти место для проживания в Шанхае.

За 100 лет в Шанхае не существовало единой господствующей тенденции жизненных обычаев и образа жизни, не существовало единой чисто национальной культуры. Мирное сосуществование разнообразных восточных храмов и христианских церквей позволяло мигрантам из разных стран относительно легко сохранять свои культурные модели в Шанхае. Жизнь на чужой земле помогала мигрантам извигаться от психологического барьера своей культуры и легко воспринимать культурные реалии других народов.

В 1860 году российское правительство создало надзорное консульство в Шанхае. Консулами были американец Грид и британский дипломат Харт. В 1862 году была заключена китайско-российская конвенция о торговых маршрутах. Российские торговцы чаем в Ханькоу стали первыми российскими экспатриантами в Шанхае. В 1875 году пост надзорного консула России в Шанхае занял русский чиновник. В 1880 году российское правительство назначило Рединга управляющим официальными и коммерческими интересами России. Согласно китайско-японскому договору, заключённому в Шимоносеки после окончания войны 1894-1895 годов, Япония получила остров Ляодун, но была вынуждена отказаться от его оккупации под объединённым влиянием России, Франции и Германии. Чтобы усилить борьбу с Японией на Дальнем Востоке и обеспечить возможность строительства Транссибирской железной дороги, российское правительство официально основало Генеральное консульство России в Шанхае в 1896 году и последовательно создало некоторые важные институты, такие как Большая телеграфная компания, Китайско-российский победоносный банк, Российское почтовое отделение и так далее. Согласно статистическим данным Бюро промыш-

ленности и торговли Шанхайской государственной концессии, с 1865 по 1890 год среднее число россиян, проживавших в общественных местах для иностранцев, составляло всего 4 русских мигранта. С конца XIX века число россиян в Шанхае увеличилось, с 28 в 1895 году до 47 в 1900 году [Ван Чжичэн, 1996, с. 61].

После ввода в эксплуатацию Транссибирской магистрали в 1916 году Шанхай стал ближайшим портом, отправлявшим суда в Россию и Европу. В это время Россия уже открыла регулярное судходное сообщение от Владивостока до Шанхая. В течение 10 лет между русско-японской войной и началом Первой мировой войны общее число россиян в двух арендных кварталах в Шанхае составляло около 400, включая небольшое количество русских евреев [Ван Чжичэн, 2007, с. 1]. Однако с поражением в русско-японской войне, Шанхай стал важной базой и целью для России в борьбе за сферу влияния в Китае. В Шанхае появилось несколько представительств и офисов московских фирм, а русские мигранты начали открывать свои фирмы на Нанкинской улице Шанхая. В 1904 году в Шанхае в Жабейском районе был возведён православный собор, и Шанхай, наконец-то, стал «родным городом русских». В отличие от евреев сефарды, для русских евреев коммерция не была мотивом для переселения в Китай. В 1880-х годах это было результатом антиеврейской политики, проводимой в Восточной Европе и в России царским правительством. Гражданская война, вызванная революцией 1917 года, заставила большое число русских евреев покинуть пределы России и направиться в северную часть Китая и далее на юг вплоть до прибытия в Шанхай.

Шанхайские русские эмигранты-дворяне в 1920-е годы

После Октябрьской революции почти 2 миллиона россиян были вынуждены бежать в разные части света. Советский писатель И. Эренбург в своих репортажах проанализировал причины их эмиграции, он писал: «Некоторые люди сбежали из-за внезапного и ужасного террора. Многие бежали от голода, а некоторые бежали, потому что их соседи бежали, эти простые причины определяют судьбу миллионов людей». В Европе российские эмигранты в основном были сосредоточены в Париже, Лондоне, Берлине, Праге, Софии и других больших городах, в Китае они в основном жили в районах вдоль железных дорог в Харбине, Шанхае, Пекине, Тяньцзине, Циндао и Синьцзяне. Царские генералы, министры, дворяне

и их семьи покинули свои великолепные особняки и усадьбы, чтобы пересечь холодную Сибирь и осесть сначала в северо-восточном Синьцзяне, а также в Харбине и других местах. Таким образом Китай также стал прибежищем для аристократических семей, представителей оппозиционных политических партий и художников, представлявших дореволюционные российские культурные круги. В Харбине количество россиян, осевших в этом городе, достигло 200 000 человек и даже превысило число местных жителей. «Харбин известен как крупнейший в Китае центр размещения русских эмигрантов» [Ши Фан, Лю Шуан, Гао Лин, 2003, с. 68].

В начале 1918 года в Шанхай прибыли первые русские беженцы-дворяне. Все три ветви властей Шанхая: государственная концессия, французская концессия и китайский сектор, – были против присутствия новых беженцев, но недовольство местных властей не остановило поток русских эмигрантов. 5 декабря 1922 года и 14 сентября 1923 года генералы Г. К. Старк и Ф. Л. Глебов прибыли в порт Узун на военных российских кораблях, которые перевезли в Шанхай тысячи новых беженцев-белогвардейцев. На улицах Шанхая внезапно появились 2000 нищих россиян, которые резко контрастировали с русскими мигрантами, уже много лет проживавшими в городе. Появление вооруженного флота под флагом могущественной страны, которая больше не существовала, оказывало грубое давление, что, естественно, вызывало негативную реакцию всех слоев общества Шанхая. Подавляющее большинство китайских и иностранных властей Шанхая и представителей всех слоев общества выступали за оказание некоторой помощи, чтобы белогвардейцы-эмигранты могли покинуть Шанхай. На тот момент общее количество русских беженцев, оказавшихся в Шанхае, достигло более 6000 человек.

31 мая 1924 года Китай и Советский Союз установили дипломатические отношения и подписали ряд соглашений, в совокупности названных «Китайско-российским соглашением». Эта серия соглашений заложила основу не только для восстановления правительством Китая своих прав, которые оно потеряло на Дальневосточной железной дороге, но и сохранило контроль Советского Союза за работой железнодорожной магистрали. Эти соглашения привели к дифференциации русских эмигрантов Харбина на граждан Советского Союза, проживающих на территории Китая и белогвардейских эмигрантов без гражданства. Старые русские дворяне стали обращаться с просьбой

о получении советского гражданства и в 1926 году 1866 русских эмигрантов Харбина стали советскими гражданами [Ши Фан, Лю Шуан, Гао Лин, 2003, с. 76]. Большинство беженцев, таких как русская аристократия, бежавшая через Сибирь в Китай, отказались принять советское гражданство, а некоторые русские аристократы предпочли принять китайское подданство, чтобы обеспечить себе право на работу. Дворяне-белогвардейцы, которые отказались принять как советское, так и китайское подданство, потеряли работу и стали лицами без гражданства. Они были вынуждены покинуть Харбин и отправиться либо в Шанхай, либо за границы Китая. Количество русских эмигрантов в Китае сократилось с 155 000 человек в 1922 году до 55,959 в 1927 году, из которых 30 322 были белогвардейцы, не имевшие гражданства [Ши Фан, Лю Шуан, Гао Лин, 2003, с. 80]. На материковой части Китая Шанхай стал первым местом приюта для этих людей. Начиная с 30 мая 1925 года около двух тысяч дворян-белогвардейцев прибыли из Харбина в Шанхай [Ван Чжичэн, 1993, с. 75, 97]. По подсчётам Шанхайской группы русских эмигрантов, в то время в Шанхае насчитывалось более 20000 россиян. В 1934 году шанхайская газета «Заря», писала, что число россиян, проживающих в городе, превышает 25000 человек. В 1930-е годы численность россиян, прибывших в Шанхай на протяжении 12 лет, возросла в 12 раз, тогда как общее количество эмигрантов из других стран за тот же период увеличилось в два раза [Ван Чжичэн, 1993, с. 59]. В 1902 году в Шанхае обосновалось 25 семей российских евреев. После Октябрьской революции, в 1924 году, численность евреев, проживавших в Шанхае достигла 800-1000 человек [Пан Гуан Ван Цзянь, 2002, с. 25]. В 1930-х годах переселение российских евреев в Шанхай было масштабным по ряду причин.

В 1929-1933 годах разразился мировой экономический кризис, который сильно повлиял в северо-восточном регионе Китая на международную еврейскую торговлю мехом. В результате инцидента 18 сентября 1931 года в Маньчжоу-Го было создано бюро по делам белогвардейцев, которое в 1934 году стало контролировать евреев на северо-востоке страны, вследствие чего в середине 1930-х годов около 70 % евреев Харбина прибыло в Шанхай. Численность российской еврейской общины Шанхая достигла 4000 человек, значительно превысив число евреев-сефардов, до этого крупнейшей еврейской общины в Шанхае [Пан Гуан, Ван Цзянь, 2002, с. 26].

Большое количество российских беженцев осело в Шанхае, что очень осложнило их социально-экономические проблемы на протяжении 1920-х годов. С конца 1922 года по лето 1925 года в Шанхае более половины россиян были безработными. Дальневосточный казачий кавалерийский корпус во главе с генералом Ф. Л. Глебовым находился в тупиковой ситуации, не имея реального её решения. Воспоминания о прежней жизни и славной истории царской эпохи преследовали их, вызывая глубокую ностальгию и психологический стресс. Жизнь в изгнании по сравнению с роскошью прошлого и воспоминания приносили им большую скорбь. Всякий раз, когда наступала глубокая ночь, во французском секторе Шанхая ресторан «Русская кухня» был местом необыкновенно оживлённым, некоторые были пьяны, некоторые дразнили горничных, а некоторые сидели одни в темных углах и пили кофе. Они ненавидели большевиков, они тосковали по родине, но все это стало мечтой о прошлом ...

Великие изменения в истории Китая вскоре позволили русским эмигрантам-дворянам избавиться от затруднительного положения. Когда 30 мая 1925 года в Шанхае начались социально-политические волнения, весь город был парализован. Городские власти наняли более двух тысяч русских белогвардейцев, приехавших из Харбина в Шанхай, чтобы заменить китайских рабочих, которые объявили забастовку. В 1926 году Северная революционная армия прибыла в Шанхай. В 1927 году Общественный сектор Шанхая совместно с Французским сектором использовали российских белогвардейцев-эмигрантов, особенно казаков и курсантов военных школ, чтобы защитить безопасность концессии. Они создали команду Шанхайской международной торговой группы из российских беженцев и разрешили им жить в Шанхае на законных основаниях. 7 ноября 1927 года в Генеральном консульстве СССР в Шанхае состоялось мероприятие, посвященное 10-летию Октябрьской революции. Русский комитет по правам беженцев-россиян призвал белогвардейцев объявить 7 ноября забастовку, в тот же день состоялось траурное шествие перед Генеральным консульством СССР. Шанхайская газета «Заря» также опубликовала статьи и мемуары о крупных событиях после Октябрьской революции. Русские, живущие в изгнании в Шанхае, были неимущими, истощенными и без гроша. Они в основном полагались на помощь, благотворительность и прибежище, предоставляемые благотворительными организациями различных административных орга-

нов Шанхая. В пиковый период около 3500 российских беженцев, существовавших на благотворительную помощь, составляли половину от общего числа русских эмигрантов в Шанхае. Но в 1920-х годах вошёл в силу государственный закон об особом статусе Шанхая, в котором отмечалось: «Шанхай является одним из городов новейшего типа, известным во всём мире иммиграционным центром, в котором не важен прежний статус жителей» [Чжу Сяоци, 2002, с. 63]. Население Шанхая терпело и субсидировало российских эмигрантов, обосновавшихся в Шанхае, создавших новые поселения для шанхайских русских. Экономически состоятельные россияне-дворяне жили в основном на территории французской концессии и искали работу в относительно хорошо оплачиваемых иностранных компаниях. В 1928 году на территории французской концессии количество русских эмигрантов превышало в три раза численность китайцев. Улица Xiafeilu вскоре стала второй новой шумной улицей в Шанхае, уступая только Nankinglu. Русскими эмигрантами-дворянами она была названа «Невским проспектом» [Ван Чжичэн, 2007, с. 70].

Русские также начали проявлять себя во многих областях общественной жизни. В конце 1920-х годов более одной десятой врачей, архитекторов и инженеров Шанхая составляли русские эмигранты. Различные русские литературные и художественные сообщества были созданы одно за другим. Социальная и культурная деятельность российских эмигрантов стала все более процветающей. В 1920-х годах на севере Китая произошли несколько природных катастроф, и русская эмигрантская общественность провела благотворительный концерт, чтобы своими скромными силами помочь пострадавшему китайскому населению. В 1922 году они пожертвовали 24 000 юаней [Ван Чжичэн, 2007, с. 236]. В конце 1920-х годов нищие прежде русские эмигранты стали постоянными, хорошо одетыми и энергичными гражданами Шанхая. Они с большими надеждами вступили в экстраординарные 1930-е годы.

Русская эмиграция в Шанхае в 1930-е годы

С 1930 по 1931 год в Шанхае насчитывалось 3 724 русских эмигранта. 18 сентября 1931 года Япония начала оккупацию Северо-Востока Китая и российские эмигранты из Харбина, служившие на Восточно-Китайской железной дороге, переехали в Шанхай. В 1932 году японские власти создали государство Маньчжоу-Го. После того, как Советский Союз принял решение продать Даль-

невосточную дорогу Японии и властям марионеточного Маньчжоу-Го в 1935 году, большинство сотрудников-белогвардейцев и советских эмигрантов были уволены, в Шанхай прибыли 2285 белогвардейцев и 204 советских граждан [Ван Чжичэн, 1994, с. 61]. Согласно неполным статистическим данным, после передачи ближневосточной железной дороги Японии в Советский Союз вернулись около 30000 проживавших в Харбине россиян, в том числе тысячи белогвардейцев, не имевших гражданства, с временными советскими паспортами. В период сталинской чистки НКВД издал приказ 00593, в результате которого было арестовано 50000 «харбинцев» и 30992 из них были казнены [Чжун Нан, 2011, с. 25, 26]. В 1936 году в Харбине осталось только 30 589 белогвардейцев и 7804 советских граждан [Ши Фан, Лю Шуан, Гао Лин, 2003, с. 90].

В середине 1930-х годов число россиян, которые переехали в Шанхай, достигло 15000-20000 человек, в том числе 4 000 евреев. Русская диаспора была не только многочисленна, но и располагала относительно хорошей экономической базой, которая сыграла определенную роль в развитии бизнеса и промышленности русских эмигрантов. Увеличение числа российских эмигрантов объективно потребовало более совершенного управления общиной. До 1920-х годов русские в Шанхае находились под управлением российских консульских должностных лиц. Генеральный российский консул в Шанхае В. Ф. Гроссе занимал эту должность в течение 20 лет. В 1920 году пекинское правительство закрыло посольство Российской Империи в Китае. Вскоре после установления китайско-советских дипломатических отношений в 1924 году В. Ф. Гроссе основал «Шанхайскую федерацию России» и был избран президентом, став де-факто лидером белогвардейских эмигрантов Шанхая. После инцидента 28 января 1932 года русские дворяне-эмигранты Шанхая из Общего сектора переехали во Французский сектор. Улица Xiafeilu стала местом сбора русских дворян-эмигрантов. Это делает Xiafeilu и её окрестности частицей русского мира, вскоре получившей название «Восточный Санкт-Петербург». Согласно статистическим данным, к середине 1930-х годов в этой части города насчитывалась 1000 личных автомобилей, что составляло 1/10 от общего количества автомобилей в городе. Здесь более 1000 магазинов принадлежало русским торговцам-эмигрантам, а также была построена великолепная православная церковь. Были открыты различные школы для детей русских эмигрантов,

больницы, банки, газеты, журналы, клубы, издательства и библиотеки. В то время общее количество русских эмигрантов в Шанхае составляло около 16 000 человек [Ван Чжичэн, 1994, с. 62].

В середине 1930-х годов белогвардейцы Шанхая начали поляризоваться. Среди эмигрантов-дворян и торговцев были миллионеры, например, В. С. Касепкин, открывший фарфоровый магазин «Руйчэн». Кроме самых богатых и самых бедных русских эмигрантов, 70 % россиян имели постоянную работу, а другие 30 % белогвардейцев-эмигрантов представляли собой два диаметрально противоположных типа: людей свободных профессий и тех, кто использовал незаконные средства для зарабатывания на жизнь. Русские уголовные элементы включали воров, мошенников, международных шпионов, профессиональных убийц, создателей фальшивых банкнот, наркоторговцев и тех, кто стал японскими наёмниками во время падения Шанхая. Многие русские дворяне безработны, бедны, пьянствуют, играют в азартные игры. Они живут попрошайничеством, воровством и более серьёзными преступлениями. Некоторые русские девушки, не имея постоянной работы, вынуждены добывать средства к существованию как платные партнёрши для танцев в пабах и ночных клубах и даже заниматься проституцией.

В 1937 году японцы вторглись в Китай. Подавляющее большинство россиян проживали на территории Французского и Общего секторов, они не сильно пострадали.

В 1930-е годы дворяне-белогвардейцы в Шанхае все еще были очень довольны своей жизнью, и русская культура вскоре вступила в период великого процветания. Между Японией и Соединенным Королевством, а также Соединенными Штатами не было открытой конфронтации. Хотя Общий сектор и Французский сектор находились в окружении территории, оккупированной японской армией, но Англия, США, Франция и ряд других стран продолжали пользоваться своими привилегиями в Шанхайской концессии. В результате русские эмигранты в Шанхае по-прежнему могли вести мирную «островную» жизнь.

Русские эмигранты-дворяне в 1940-е годы

Перед началом Второй мировой войны настроения русских дворян-эмигрантов Шанхая изменились. 4 сентября 1939 года в Шанхае были распроданы все британские и российские вечерние газеты. Звонки в редакционный отдел агентства «Новости» были бесконечными, и чита-

тели спрашивали, появилась ли свежая информация о делах в Европе. Различные группы российских эмигрантов-белогвардейцев в Шанхае, обсудив ситуацию, выступили с совместным заявлением «К русскому народу», заявив, что они всегда будут несовместимы с советским коммунизмом. Грядущая война Германии с Советским Союзом – это способ освободить русский народ от коммунизма. Декларация Комитета русских эмигрантов, влиятельной группы в российской диаспоре Шанхая, продемонстрировала свою позицию: строгий нейтралитет, упорство в антикоммунизме и отказ поддержать Советский Союз в сопротивлении захватчикам.

Хотя лидеры белогвардейского дворянства сохраняли свою антисоветскую позицию, у рядовых россиян-эмигрантов пробудился высокий патриотический энтузиазм. Многие из них выразили готовность вернуться в Советский Союз и бороться с Германией. Русские эмигранты пожертвовали деньги в Московский национальный банк Шанхая. Советское правительство со своей стороны также предоставило условия для ускоренной натурализации эмигрантов-белогвардейцев.

В декабре 1941 года, когда началась Тихоокеанская война, японская администрация, захватившая Шанхайскую концессию, усилила контроль над собственностью стран-противников и русскими эмигрантами в Шанхае. Однако в связи с подписанием в апреле 1941 года «Советско-японского договора о нейтралитете» россиянам-эмигрантам посчастливилось не попасть в лагеря для эмигрантов из стран-противников. Отношение лидеров русской диаспоры Шанхая к Японии изменилось. Полковник Сережников, исполнявший обязанности председателя Комитета русских эмигрантов, издал пять последовательных распоряжений и постепенно занял прояпонскую позицию. Экономический контроль Японии над Шанхаем привел к истощению сырьевых ресурсов. Многие японцы вступили в англо-американские предприятия и оставили русских эмигрантов без работы. Несмотря на то, что Советский Союз добился больших побед во Второй мировой войне, русские дворяне-эмигранты предвидели, что возвращение в Советскую Россию грозит не только опасностью, но и гибелью: «На протяжении более 20 лет мы всегда были несовместимы с русским коммунизмом. В прошлом мы не верили и теперь всё еще не верим, что советский режим будет изменяться и развиваться. И мы, русские, никогда не забудем и не простим оскорблений и преследований советской власти в отношении Православной

церкви и убийства наших семей. Мы не простим гибели миллионов русских людей в концентрационных лагерях на протяжении многих лет, преступлений, репрессий ЧК и насилия в отношении солдат» [Ши Фан, Лю Шуан, Гао Лин, 2003, с. 214].

15 августа 1945 года японское правительство капитулировало. Русские, китайцы, иностранцы – представители всех слоев общества радовались, но у русских эмигрантов возникло некоторое беспокойство. Во-первых, в период правления марионеточной японской администрации одна часть русских дворян сотрудничала с японскими оккупантами из-за крайней враждебности к Советскому Союзу. Другая часть русских дворян, движимая экономическими интересами, сотрудничала с японскими военными для перепродажи стратегических товаров. Комитет русских эмигрантов Шанхая сотрудничал с Японией во время войны, что серьезно повредило общественному имиджу всей организации и привело к попытке ликвидировать Комитет после войны. Во-вторых, «Китайско-советский договор о дружбе и сотрудничестве», подписанный китайским правительством и Советским Союзом, сделал правительство Гоминьдана осторожным в отношении к русским эмигрантам-дворянам. В-третьих, после начала Тихоокеанской войны многочисленные неимущие русские эмигранты составили конкуренцию китайским рабочим в трудоустройстве. С этой целью Национальное правительство и Шанхайское муниципальное правительство соответственно обнародовали ряд местных законов и правил для управления общиной белогвардейцев-эмигрантов, не имевших своего политического представительства. Ограничение права эмигрантов-белогвардейцев на трудоустройство в Шанхае привело к тому, что жизненные трудности вынудили их покинуть город.

В апреле 1946 года Министерство внутренних дел дало указание Шанхайскому муниципальному правительству предоставить краткую информацию о количестве и распределении экспатриантов-белогвардейцев, на подозреваемых в нарушении законов собрать доказательства их вины, а также издать и применить на практике правила проживания лиц без гражданства. Правительство помогало эмигрантам с советскими паспортами изменить статус на лиц без гражданства. Несмотря на это, после известий об эвакуации русских эмигрантов в Советский Союз в июне 1947 года большое количество российских эмигрантов подали заявления о получении советского граждан-

ства. Ежедневно около 500-600 человек стояли в очереди перед консульством Советского Союза [Сюй Чжэньнин, 2008, с. 15].

После этого изменение гражданства советских эмигрантов и русских эмигрантов стало обычным явлением. Чтобы избежать вмешательства Советского Союза и проникновения советских шпионов в процессе изменения гражданства в феврале 1948 года был выпущен секретный приказ о прекращении действия закона о помощи эмигрантам-белогвардейцам. Правительство Гоминьдана, которое было не в состоянии препятствовать гражданской войне, изменило меры по управлению русскими эмигрантами. С одной стороны, когда русские эмигранты без гражданства покидали Китай, они могли подать заявление на получение паспорта «Нансена» или паспорта без гражданства, которые позволяли оформление визы. С другой стороны, Департамент полиции по делам иностранцев активизировал контроль за эвакуацией русских эмигрантов в Советский Союз. Для тех, кто подозревался в шпионаже, были приняты строгие меры отслеживания и пресечения влияния коммунистически настроенных эмигрантов на местное население. В апреле 1947 года полиция отказала во въезде двум русским эмигрантам с Филиппин в Шанхай по причине отсутствия визы. Была упрощена процедура подачи заявления на получение китайского гражданства для русских эмигрантов. В первой половине 1946 года около ста российских граждан обратились с просьбой о получении китайского гражданства и получили его. Со второй половины 1947 года до первой половины 1948 года более 60 россиян успешно подали заявления на получение китайского гражданства. 23 октября 1948 года 135 беженцев-белогвардейцев из Северо-Западного Ланьчжоу получили разрешение на проживание и работу в Шанхае.

Во время Второй мировой войны советское правительство начало проводить более гибкую и толерантную политику. Русские эмигранты в Шанхае быстро разделились на два лагеря: половина из них постепенно получила советское гражданство, и 4000 человек вернулась в Советскую Россию небольшими партиями до конца 1947 года. Другая половина русских эмигрантов, то есть более 7 тысяч, отказалась от получения советского гражданства и в соответствии с договоренностями Международной организации по делам беженцев весной 1949 года более 5000 человек были отправлены на остров Самар на Филиппинах, а другие – в разные страны. В 1947 году Управление

полиции Шанхая сообщило, что в городе осталось 7614 советских эмигрантов и 9 054 эмигранта-белогвардейца, в общей сложности 16 658 человек. В 1944 -1946 годах около 120 000 человек в Синьцзяне получили советское гражданство и советские документы для проживания за рубежом [Хуан Динтянь, 2004, с. 17, 19]. После Второй мировой войны, с 1947 по 1952 год, в результате политики эвакуации, проводимой советским правительством, некоторые российские эмигранты вернулись в Советский Союз, а другая часть переехала в Австралию, Канаду и США из-за ухудшения китайско-советских отношений. Русские эмигранты Шанхая оказались в опасности и были вынуждены покинуть Китай. Когда большинство советских эмигрантов по приказу советского правительства вернулись в Советский Союз, а белогвардейская и русская диаспора также покинула Шанхай, то в этом городе, ранее процветавшем как один из дальневосточных культурных центров русской эмиграции, прекратилась русская жизнь.

2. Деятельность русских эмигрантов-дворян в Шанхае

Политический и военный аспекты

Во время третьего вооружённого восстания китайских рабочих Шанхая военное руководство города привлекло 21 марта 1927 года белогвардейцев-наёмников для подавления беспорядков. Белогвардейцы были втянуты в гражданскую войну в Китае самой судьбой и понесли большие потери в ряде кровопролитных сражений. На обширной земле Китая от Шэньяна до Шанхая, от Циндао на побережье Тихого океана до Кайфэна, столицы провинции Хэнань, в столице провинции Шаньдун городе Цзинань – везде и всюду есть кладбища, где похоронены русские солдаты и офицеры, погибшие в гражданской войне в Китае [Чжу Сяоци, 2002, с. 168].

В начале 1927 года генерал-лейтенант Ф. Л. Глебов сформировал российский полк, впоследствии ставший регулярной армией Шанхайской международной торговой группы. 28 января 1932 года в Шанхае японские оккупанты неожиданно начали атаку против подразделений Гоминьдана, после этого 11 военнослужащих-белогвардейцев вошли в состав пехотной бригады Шанхайской международной торговой группы. Еврейский отряд Шанхайского внешнеторгового корпуса принял участие в военном эскорте внешнеторговых миссий в 1937 и 1938 годах и был награжден Министерством промышленности и

торговли Шанхая [Пан Гуан, Ван Чзянь, 2002, с. 42].

В период антияпонской войны белогвардейцы-дворяне Шанхая и представители других диаспор также активно присоединились к китайской армии, чтобы помочь в борьбе с захватчиками. В китайских вооруженных силах воевал 451 иностранец: 152 американца, 124 француза, 115 советских граждан, 55 англичан и 5 человек других национальностей. Кроме того 300 белогвардейцев, которые получили китайское гражданство, вышли на поле битвы вместе с советскими эмигрантами. Среди почти 800 иностранцев, получивших китайское гражданство, большинство были белогвардейцами [Ван Чжичэн, 1993, с. 237-238].

Во время японской оккупации Шанхая, Шанхайский комитет русских эмигрантов под руководством Ф. Л. Глебова вступил в сотрудничество с японскими властями. Сама позиция Комитета как самой влиятельной организации русских эмигрантов Шанхая стала причиной стыда всей российской общины Шанхая. Впоследствии, после войны, помощник Глебова Борогов фактически захватил Комитет русских эмигрантов. Чтобы восстановить иммиграционный статус русских эмигрантов в Шанхае, он 26 июня 1946 года поднял вопрос о создании Шанхайской ассоциации русских эмигрантов. В качестве основной организации для русских эмигрантов в Шанхае Ассоциация взяла на себя право выдавать членам сертификаты, рекомендательные письма, паспорта и выполнять другие консульские функции. А 20 ноября 1948 года Шанхайская ассоциация русских эмигрантов представляла всех своих членов и отправляла письма в управление Шанхайского народного хозяйства. Данная ассоциация торжественно заявляла о своей лояльности к националистическому правительству и готовности к борьбе с коммунизмом в защите своего дома в Шанхае [Сэй Чжэньнин, 2008, с. 18]. Кроме того, Шанхайская ассоциация русских эмигрантов активно сотрудничала с Шанхайским муниципальным правительством и другими благотворительными организациями. В трудных жизненных ситуациях русские эмигранты подавали правительству заявления и просьбы о помощи.

Экономический аспект

Большинство россиян, прибывших в Китай до Октябрьской революции, – молодые мужчины и женщины в возрасте 20-50 лет, которые были заняты на железных дорогах Дальнего Востока, включая менеджеров, инженеров, дорожных ра-

бочих, военный и полицейский персонал. После 1917 года большую часть эмигрантов в Китае составляли дворяне, привилегированный класс имперской России. Подавляющее большинство из них мигрировали с семьями, поэтому возрастной разрыв мигрантов исчез после 1917 года. Русские в Харбине – главным образом железнодорожники и инженеры, обслуживавшие железные дороги Дальнего Востока. Российскими эмигрантами Шанхая являлись в основном сотрудники компаний, врачи, учителя, юристы, духовенство, владельцы небольших гостиниц или небольших магазинов, музыканты, моряки и т. д.

После Октябрьской революции торговая деятельность русских эмигрантов в Шанхае быстро развивалась. В 1919 году в Шанхае находилось около 1000 русских эмигрантов. На Xiafeilu с 1926 по 1928 годы русские эмигранты открыли 15-20 небольших универмагов, 10 продовольственных магазинов, 30 магазинов одежды, 5 больших кондитерских магазинов, 5 аптек, 5 часовых и ювелирных магазинов и 3 фотоателье, 2 магазина электрических светильников, 5 парикмахерских, 5 фирм по аренде автомобилей, 4 магазина обуви, 6 газетных киосков, 4 кондитерских магазина, несколько цветочных магазинов и 1 магазин по продаже золотых рыбок [Ван Чжичэн, 1993, с. 70]. В конце 1920-х годов более десятой части лучших врачей, архитекторов и инженеров Шанхая составляли русские дворяне. С 1920 года по 1930 год число врачей-эмигрантов, практикующих в Шанхае, увеличилось с 2 до 35. Число профессиональных медсестер увеличилось до 45. Было также много стоматологов, ветеринаров и акушеров [Ван Чжичэн, 1993, с. 71-72].

В 1929 году российский дворянин И. В. Кураев основал крупнейший европейский ломбард в Шанхае и Дальневосточную кредитную компанию. В 1933 году русские дворяне Г. И. Ралин и М. А. Мошкин стали президентами Шанхайско-русской ассоциации взаимных кредитов, которая в 1943 году была реорганизована в Шанхайский коммерческий банк. В 1934 году Ассоциация выпускников школ Хабаровска в Шанхае учредила Российско-китайский кредитный кооператив, пост управляющего и генерального директора заняли М. И. Шаскин и Н. Г. Выняков [Ван Чжичэн, 1993, с. 736-738].

В отличие от евреев сефарды, которые владели гостиничным и развлекательным бизнесом, большинство русских евреев занимались изготовлением и продажей одежды, продуктов питания, книг, игрушек и других товаров, их бизнес процветал.

Например, Г. М. Клебанов открыл знаменитый первый сибирский меховой магазин в Шанхае в храме Цзинань. Госпожа Аида Рабинович открыла два магазина детских продуктов и мальтийских шляп на перекрестке Xiafei lu. С. Щетин (китайское имя Шэнь Шити) открыл фотоателье «Ruitai» на Нанкинской улице. Профессиональные техники и интеллигенты работали в Бюро промышленности и торговли, в иностранных банках, в оркестрах и школах, а также в качестве юристов и врачей. Русские эмигранты среднего и низшего классов тесно контактировали с обычными жителями Шанхая [Пан Гуан, Ван Цзянь, 2002, с. 27].

После победы в антияпонской войне все слои общества Шанхая находились в состоянии экономической депрессии, и жизнь людей стала труднее. Эмигранты стали угрозой китайскому населению в различных аспектах повседневной жизни, таких как выбор профессии, занятость, жилье и поездки. Соединенные Штаты, исходя из соображений глобальных стратегических интересов, помогли Гоминьдану контролировать Шанхай и получить японское военное снаряжение. Офисы различных учреждений постоянно перемещались в Шанхай из других городов Китая. Военным службам США для выполнения своих функций потребовалось большое количество свободных гражданских работников, и русские эмигранты стали для них предпочтительным контингентом. Войска США прибыли в Шанхай, и в Шанхае появилось большое количество баров, ночных клубов и других развлекательных заведений, которые были привлекательны для русских эмигрантов как рабочие места. Все магазины русских эмигрантов, занимавшиеся продажей продуктов питания, напитков, кофе, кондитерских изделий, одежды, косметики, а также универмаги, меховые и другие магазины не могли выдержать конкуренции и были вынуждены закрыться. Нестабильность рынка занятости и ухудшение экономических условий жизни русских эмигрантов в Шанхае вызвали множество социальных проблем. Наиболее трагичным стало положение женщин из семей белогвардейцев [Сюй Чжэньнин, 2008, с. 22-25].

Культура и образование русских эмигрантов в Шанхае

Литературная деятельность. В 1920-1930-х годах в Шанхае деятельность русских литераторов-эмигрантов развивалась плодотворно. Русская литература в XX веке была богатой и разнообразной: «советская литература» и «русская литература», «местная литература» и «литература экспат-

риантов», «официальная литература» и «запрещенная литература», «литература Серебряного века». «Литература русского зарубежья» пережила три волны своего развития. После Октябрьской революции около 10 миллионов человек покинули постреволюционную Россию. Известными писателями, среди них, являются И. Бунин, А. Толстой, М. Замятин, А. Куприн, М. Цветаева, Д. Мережковский и др. Они обосновались в Париже, Праге, Берлине, Белграде, Харбине, Шанхае и других городах. Представители «Первой волны» – это в основном культурные люди «Серебряного века». Из пяти русских писателей, получивших Нобелевскую премию по литературе в XX веке, трое были изгнанными писателями (И. Бунин, А. Солженицын и И. Бродский) [Лю Вэньфэй, 2003, с. 8]. Хотя в Шанхае не было выдающихся русских литераторов, но была большая группа молодых писателей из Харбина и других мест Китая, которые опубликовали множество рассказов, стихов и романов в различных русскоязычных изданиях.

Шанхай стал центром литературы русской диаспоры. Русские литераторы-эмигранты постоянно создавали различные литературные организации, опубликовали антологию произведений русских авторов, обосновавшихся в Шанхае. В 1930-1940-е годы наиболее влиятельной литературно-художественной группой Шанхая стала группа ХЛАМ, ядро которой представляли редактор газеты «Шанхайские новости» Л. В. Арнольд, писатель В. С. Валь, музыкант А. Г. Бершадский, режиссер балетной группы Э. И. Элиров и другие. Заметное место в культурной жизни русской диаспоры Шанхая сыграла группа «Понедельник». В 1934 году известный писатель И. Бунин установил контакт с этой группой и стал её почетным президентом. Всего за 4 года «Понедельник» превратился в литературную ассоциацию. В то же время в Шанхае были популярны и влиятельны русскоязычные газеты «Шанхайские новости» и «Дискурс».

М. С. Лембридж, сын нефтяного короля, являлся крупнейшим газетным русским предпринимателем на Дальнем Востоке. В январе 1920 года он последовал за побежденными белогвардейцами из армии Колчака и приехал в Харбин. В апреле он и его коллега Г. Н. Шипков основали газету «Заря». 25 октября 1925 года был официально опубликован первый номер «Шанхайских новостей». В 1933 году тираж «Шанхайских новостей» составлял 3500 экземпляров, превышая тираж газет на французском и немецком языках [Ван Ямин, 2015,

с. 151]. В 1929 году П. И. Зайцев основал ещё одну российскую газету в Шанхае и чётко определил, что не будет принимать к печати литературные произведения с коммунистическими тенденциями и никогда не пойдёт на компромисс с красными писателями.

После Второй мировой войны из-за внутриполитических событий в китайском обществе не было второй волны русской эмиграции. Основной группой русскоязычных литераторов были писатели, которые поселились в Шанхае после Октябрьской революции. Произведения русских писателей-эмигрантов существенно отличались от произведений китайской литературы той эпохи. Китайская литература 1920-1930-х годов в основном изображала Шанхай с политически ангажированной позиции в качестве угнетённого и порабощённого колониального города и одновременно города революционного, который постоянно боролся с иностранной эксплуатацией. В произведениях прокоммунистических писателей воссоздавалась душная атмосфера коррупции местных властей Шанхая и «грязных» шанхайских денег. Напротив, Шанхай в произведениях русских эмигрантских писателей предстаёт городом восточного обаяния, активной жизни и большого потенциала. Богатство и многообразие жизни города – это и великолепие шанхайских женщин, и красота маленьких мостов на юге, это и крики торговцев вразнос в переулках, и бесконечный поток людей на улицах. Литература русских эмигрантов отражает жизнеспособность города [Ли Синьмэй, 2014, с. 6-10]. В 1930 году вышел в свет сборник «Шанхайские миниатюры», а в 1936 году был опубликован многотомный сборник сочинений русских писателей-эмигрантов «Русские в Шанхае».

Большая часть литературных произведений русских авторов-эмигрантов в Шанхае показывает мучительную скуку, тяготы эмигрантской жизни и душевную тоску по родине. В 1946 году издательская компания Shanghai Times собрала сатирические рассказы российской дворянки Наталии в сборник «Другой взгляд: очерк жизни Шанхая». Этот сборник, состоявший из 23 очерков, называли «Энциклопедией русских эмигрантов Шанхая». Под пером Наталии появлялись не только обычные русские эмигранты, которые жили трудно и с болью в душе, а также эмигранты-спекулянты и чрезвычайно пустые и скучные люди высшего света, которые завидовали Западу и продали родину. Данный сборник отражал сложные и разнообразные чувства русских эмигрантов,

проживавших за рубежом после Октябрьской революции. История выживания русской диаспоры в Шанхае отображает трагические последствия глубоких социально-политических потрясений, пережитых Россией и российским народом в начале XX века [Ли Синьмэй, 2014, с. 101-104].

Художественная деятельность. В Шанхае существовали три основных музыкальных центра русского эмигрантского общества: оркестр Шанхайской промышленной концессии, Ассоциация камерной музыки, Шанхайская национальная музыкальная академия. С 1927 по 1929 год Сяо Юймэй, ректор Шанхайской национальной академии музыки, пригласила для сотрудничества 38 иностранных музыкантов, и половина из них были русскими дворянами. Они не только внедряли западные идеи в музыкальное образование в Китае, но и подготовили большое количество выдающихся музыкальных талантов для Китая. Так Б.В.Захаров подготовил пианистов Ли Цуйчжень, Дин Шаньдэ, У Юей. Пианист-педагог М. Лазарев был первым учителем Лю Шикунь. М.Шевцов подготовил первую в китайской музыкальной культуре группу виолончелистов-исполнителей и педагогов. А. Н.Черепнин создал фортепианные произведения «Пастух пикколо», «Музыка пастуха» и ряд других, а также помог Ли Сяньмин и Чжоу Сяоянь выйти на мировую арену. В.Г.Шушлин, педагог по вокалу, подготовил Чжоу Сяоянь, Лан Юйсю, Вэн Кэчжэн. В 1930 году С. С. Аксаков был назван одним из самых популярных исполнителей-пианистов, композиторов и теоретиков музыки в Шанхае [Ли Синьмэй, 2014, с. 17]. Симфонический оркестр Шанхайской промышленной концессии (в 1940 году был переименован в Шанхайский симфонический оркестр), пополненный многими русскими эмигрантами-музыкантами, стал лучшим оркестром на Дальнем Востоке. В 1935 году русские эмигранты-музыканты составляли 60 % исполнителей в этом симфоническом оркестре.

На протяжении 20-30 лет русские дворяне-эмигранты создали различные литературно-художественные сообщества в Шанхае, такие как группа «Понедельник», группа «Вторник», группа «Среда» (ХЛАМ), еврейский литературный клуб «Четверг», группа «Пятница», Литературно-художественное содружество «Восток», «Объединение искусства и творчества», Российское профессиональное театральное общество, Товарищество украинских артистов, Украинское культурно-просветительное общество, Пушкинский комитет, который был инициатором создания памятника

А. С. Пушкину. Основателями и руководящим ядром знаменитого литературно-художественного сообщества ХЛАМ, созданного в 1933 году, являлись известные представители русских эмигрантов-дворян Шанхая: балетмейстер Э. И. Элиров, журналист А. В. Петров, музыкант А. Г. Берзартский, поэт А. О. Кирсанов, художник Л. В. Скелльский, а также другие известные артисты. В 1936 году знаменитый русский певец А. Вертинский исполнил множество своих песен в Шанхае, и в знак признания его выдающихся достижений «Клуб ХЛАМ» присвоил А. Вертинскому почётное звание «Первый рыцарь Шанхайского мира». В том же году русские эмигранты Шанхая торжественно принимали выдающегося русского певца Ф. И. Шаляпина. В феврале 1937 года Пушкинский комитет провел торжественную церемонию открытия Пушкинской бронзовой статуи в Шанхае. Знаменитая русская драматическая труппа во главе с известным исполнителем и режиссером Томским, а также и режиссером музыкальной драмы Прибытковой исполнила множество классических и современных русских пьес. Известные балерины и танцовщики А. Роговская, О. Манжелей и Н. Князев поселились и выступали в Шанхае, благодаря чему Шанхайский балет вступил в период своего процветания в 1930-х годах.

Русские художники Подгурский, Пикурович, Пашков, Фунди, Данилевский, Хлёнов, Соколовский, Малиновский, Кузнецов, Зацепкин, Лихонос и Густ с 1928 по 1931 годы провели множество выставок. В 1930-х годах русские художники были не только хороши в живописи, но и специализировались в дизайне, архитектуре и прикладном искусстве. Например, архитектор Ярон спроектировал церковь Святого Николая во французской концессии, Лихонос создал проект собора Богоматери. В 1924 году Соколовский поселился в Шанхае и занимался дизайном и оформлением интерьеров в различных архитектурных компаниях в Шанхае и получил квалификацию первоклассного архитектора. Гастер, Сафронов и другие занимались коммерческой рекламой, дизайном окон и дизайном сцены. Легендарная карьера известного русского художника Владимира Тречкова началась в 1930 году, когда он переехал в Шанхай. В Шанхае среди русских эмигрантов было много талантливых архитекторов и художников, таких как Ялонг и Лихонос, все они являлись известными архитекторами в Шанхае. Католик Сапожников – самый успешный и всемирно известный ху-

дожник среди многих российских художников-эмигрантов.

Культурно-просветительская деятельность. В отличие от Харбина, в Шанхае половина детей русских дворян-эмигрантов получила образование в школах других стран. Русские дворяне-эмигранты основали 12 образовательных групп, 5 русских начальных и средних школ, 12 технических и профессиональных школ и 3 российских дворянских учреждения в Шанхае. Российская академия образования подчеркивала, что «делает все возможное, чтобы русские студенты не могли быть ассимилированы чужой культурой и понуждает их всегда помнить родину и оставаться наследниками русских идей и русской культуры» [Ван Чжичэн, 2007, с. 545]. В 1921 году супруга генерального консула России в Шанхае В. Ф. Гроссе основала первую российскую экспериментальную школу, директором которой был депутат Четвёртой государственной Думы А. Н. Русанов. Генерал-майор М. И. Феодорович, бывший командующий прибрежной защитой на северо-западе Черного моря и командующий авиацией Черноморских вод, был директором Шанхайской морской школы, созданной в 1930 году. Русская дворянка из Орла профессор Вера Васильевна Замодаева основала в 1948 году Колледж русского языка в Восточно-Китайском революционном университете (ныне Шанхайский университет иностранных языков). Под её руководством более 120 человек русских эмигрантов составили коллектив преподавателей Колледжа. Ее дочь Нина Алексеевна Замодаева и её внучка Алла Сергеевна стали русскими профессорами Колледжа и обучили русскому языку большое число молодых талантливых китайцев.

Система образования в русских эмигрантских школах Шанхая имела диверсифицированный характер, так как включала в себя не только образовательные традиции русской этнической группы в рамках Православной Церкви, но и вестернизированное образование в условиях влияния западноевропейских диаспор Шанхая. Из-за экономических трудностей экспатриантов в Шанхае масштабы и возможности русских эмигрантских школ были не так хороши, как в других иностранных школах. У русских дворян-эмигрантов Шанхая были большие противоречия в отношении методов образования молодого поколения. Единого центра, управляющего образованием русских эмигрантов в Шанхае, не было, и поэтому эффективность шанхайских русских школ намного уступала школам Харбина. В 1920-1930 годы в

Шанхае российские эмигранты основали 10 научных учреждений, издавали 24 русские газеты и 27 русских журналов, создали 3 радиостанции и открыли 13 книжных магазинов и библиотек.

Религиозный аспект. После Октябрьской революции Русская Православная Церковь в изгнании разорвала свои отношения с Православной Церковью в Москве под юрисдикцией российского правительства и вместо этого приняла юрисдикцию «Русской православной зарубежной временной епископской конференции» в Сербии. После установления дипломатических отношений между Китаем и Советским Союзом в 1924 году епископ Иннокентий выступил против передачи собственности Русской Православной Церкви в Китае правительству России. Он заявил, что Китайская Православная Церковь не имеет никакого отношения к правительству России. «Только поддерживая богатую духовную жизнь, и укрепляя религиозные убеждения, русские могут продолжать существовать как члены единого русского народа. Также существует и русская идеология. Наше религиозное мышление – это «Святая Русь» [Ши Фан, Лю Шуан, Гао Лин, 2003, с. 175].

В Шанхае после Октябрьской революции Православная Церковь стала почвой для духовной жизни подавляющего большинства русских эмигрантов. Белогвардейцы-дворяне, всегда свято веровавшие в православную церковь, и российские эмигранты разных этнических групп объединились и основали 12 церквей в Шанхае. Например, в 1922 году генерал Старк привел инструкторов и стажёров двух дворянских школ в Свято-Николаевскую военную часовню, созданную на улице Jisifeier (ныне улица Ванханту) в Шанхае. В 1925 году генерал-лейтенант Дидерхос и его жена заложили Успенскую часовню в женской школе русских эмигрантов. В 1927 году Гросс представлял все слои русских эмигрантов Шанхая, которые основали церковь Воскресения на улице Fuxinglu. В 1931 году российские военно-морские офицеры, находившиеся в изгнании в Шанхае, заложили фундамент Андреевской церкви на улице Huoshanlu. В память покойного царя Николая II в 1932 году по инициативе Глебова была создана церковь Святого Николая, первая русская церковь на территории французской концессии.

В начале XX века число русских евреев в Шанхае было невелико. Они обычно собирались в еврейском общинном зале синагоги. Однако еврейской общине сефарди всё-таки не хватало сплочённости. В 1902 году был учрежден Шанхайский еврейский синагогский комитет ашкена-

зи, а Х. Каммерлинг стал главой российских евреев-ашкенази. Так сформировалась Еврейская община в Шанхае. Строя синагогу, российские евреи Шанхая начали формировать свои собственные общественные организации. Еврейское общество милосердия и приют для бедных, основанные в 1916 году, были заменены на дома престарелых. Помимо заботы о 50 одиноких стариках, которые жили в больнице, еврейская община также ежедневно оплачивала 120 обедов для самых бедных. В 1922 году российские евреи Шанхая создали еврейское кладбище и еврейское стипендиальное общество. В 1937 году Шанхайская еврейская религиозная община официально зарегистрировалась в Бюро промышленности и торговли Шанхайской концессии. Последовательными лидерами общины были Ю. Гинзбург, М.Блох, Б.Топас, Б.Радомишельский и другие, которые занимались вопросами внешних связей и внутренних дел российских евреев в Шанхае.

Таким образом, с момента открытия порта в 1843 году Шанхай стал уникальным регионом, в котором переплелись культуры всего мира. Он принял иммигрантов как из своей страны, так и из-за рубежа, среди которых важную роль сыграли русские эмигранты-дворяне. Последствия Октябрьской революции, во многом изменившей не только Россию, но и весь мир, стали также причиной небывалого масштабной эмиграции русских дворян в Китай и началом истории русской диаспоры Шанхая. Численность иммигрантов из России, хлынувших в Китай в этот период, не только превосходила количество экспатриантов в любой другой период российской истории, но также превосходила и число иностранцев, обосновавшихся во всех провинциях Китая в то время. Демократическая конституционная система, установленная в Шанхае капиталистическими странами Европы и Америки, не только обеспечила относительно свободную политическую обстановку и экономическое процветание, но и дала возможность всем эмигрантам, и в особенности русским дворянам-эмигрантам, проявить свои таланты во всех сферах жизни. Русские дворяне-эмигранты, всегда отличавшиеся духом независимости и свободы, придерживались прозападных убеждений и образа жизни. Они не только сохранили русскую культуру и святость Православной Церкви, но и способствовали экономическому и культурному процветанию Шанхая и других мест, в которых проживали, а также содействовали модернизации Китая.

Библиографический список

1. Ван Чжичэн. История русской эмиграции в Шанхае. Шанхай: Шанхайский книжный магазин Шанлени, 1993. 832 с. (на кит. яз.)
2. Ван Чжичэн. Русские эмигранты в старом Шанхае // *Общественные науки*. 1994. № 7. С. 59-63. (на кит. яз.)
3. Ван Чжичэн. Русские эмигранты в Шанхае и Отечественная война Советского Союза // *Общественные науки*. 1995. № 11. С. 60-63. (на кит. яз.)
4. Ван Чжичэн. Русские евреи в Шанхае и шанхайская еврейская община // *Общественные науки*. 1996. № 8. С. 61-63. (на кит. яз.)
5. Ван Чжичэн. Русские эмигранты-музыканты в Шанхае (1920-1940). – Шанхай: Шанхайское музыкальное издательство, 2007. 579 с. (на кит. яз.)
6. Ван Ямин. Шанхай в современной китайской литературе и в русской эмигрантской литературе 20-30-х годов XX века // *Вестник Ланьчжоу*. 2015. № 8. С. 6-11. (на кит. яз.)
7. Ли Синген. Ряска на ветру и на дожде – российская диаспора в Китае (1917-1945). Пекин: Центральное издательство компиляций и переводов, 1997. 434 с. (на кит. яз.)
8. Ли Синьмэй. Жизнь русских эмигрантов в Шанхае под пером Натальи Ильиной // *Русская литература и искусство*. 2014. № 10. С. 100-105. (на кит. яз.)
9. Лю Вэньфэй. Структура русской литературы 20 века // *Обозрение иностранной литературы*. 2003. № 3. С. 147-153. (на кит. яз.)
10. Мосински Сэм. Прощай, Шанхай. Воспоминания еврея-подростка. Шанхай: Шанхайский книжный магазин Шанлени, 2012. 240 с. (на кит. яз.)
11. Пан Гуан и Ван Цзянь. Восточная история евреев в Шанхае за полтора века. Шанхай: Издательство общественных наук и литературы, 2002. 296 с.
12. Сюй Чжэньнин. Русская эмиграция в Шанхае на фоне великих политических изменений (1945-1950). Шанхай: Восточно-Китайский педагогический университет, 2008. 51 с. (на кит. яз.)
13. Сюн Юечжи. Жизнь русских эмигрантов в Шанхае в период новой истории. Шанхай: Шанхайское словарное издательство, 2008. 569 с. (на кит. яз.)
14. Хуан Динтянь. Появление русских эмигрантов в первой половине XX века и их социальная структура // *Географический вестник*. 2004. № 12. С. 15-19. (на кит. яз.)
15. Чжан Цзуньхуа, Цзян Яньхун, Хань Вэньсюань. Русская дворянская эмиграция в Китае после Октябрьской революции // *Ярославский педагогический вестник*. № 5. 2017. С. 331-341.
16. Чжун Нан. Дрожь от чтения Харбинского архива // *Хэйлунцзянские исторические заметки*. 2011. № 17. С. 25-27. (на кит. яз.)
17. Чжу Сяоци. Община русских эмигрантов Шанхая в новой истории // *Ежемесячный вестник науки*. 2002. № 11. С. 61-66. (на кит. яз.)

18. Чжу Сяоци. Заметки о шанхайской газете «Chaila // *Общественные науки*. 2007. № 10. С. 147-153. (на кит. яз.)

19. Ши Фан, Лю Шуан, Гао Лин. История русской эмиграции в Харбине. Харбин: Хэйлунцзянское народное издательство, 2003. 630 с. (на кит. яз.)

Reference List

1. Van Chzhichjen. Istorija ruskoj jemigracii v Shanhae = History of Russian Emigration in Shanghai. Shanhaj: Shanhajskij knizhnyj magazin Shanlen', 1993. 832 s. (na kit.jaz.)
2. Van Chzhichjen. Russkie jemigranty v starom Shanhae = Russian Emigrants in Old Shanghai // *Obshhestvennye nauki*. 1994. № 7. S. 59-63. (na kit.jaz.)
3. Van Chzhichjen. Russkie jemigranty v Shanhae i Otechestvennaja vojna Sovetskogo Sojuza = Russian Emigrants in Shanghai and the Great Patriotic War of the Soviet Union // *Obshhestvennye nauki*. 1995. № 11. S. 60-63. (na kit.jaz.)
4. Van Chzhichjen. Russkie evrei v Shanhae i shanhajskaja evrejskaja obshhina = Russian Jews in Shanghai and the Shanghai Jew Community // *Obshhestvennye nauki*. 1996. № 8. S. 61-63. (na kit.jaz.)
5. Van Chzhichjen. Russkie jemigranty-muzykanty v Shanhae (1920-1940) = Russian Musician Emigrants in Shanghai (1920-1940). Shanhaj: Shanhajskoe muzykal'noe izdatel'stvo, 2007. 579 s. (na kit.jaz.)
6. Van Jamin. Shanhaj v sovremennoj kitajskoj literature i v ruskoj jemigrantskoj literature 20-30-h godov XX veka = Shanghai in Modern Chinese Literature and in the Russian Emigrant Literature of the 1920-1930s // *Vestnik Lan'chzhou*. 2015. № 8. S. 6-11. (na kit.jaz.)
7. Li Singen. Rjaska na vetru i na dozhde – rossijskaja diaspora v Kitae (1917-1945) = Duckweed in the Wind and in the Rain – the Russian Expatriate Community in China (1917-1945). Pekin: Central'noe izdatel'stvo kompiljacij i perevodov, 1997. 434 s. (na kit.jaz.)
8. Li Sin'mjej. Zhizn' russkih jemigrantov v Shanhae pod perom Natal'i Il'inoj = The Life of Russian Emigrants in Shanghai under the Pen of Natalia Ilyina // *Russkaja literatura i iskusstvo*. 2014. № 10. S. 100-105. (na kit.jaz.)
9. Lju Vjen'fjej. Struktura ruskoj literatury 20 veka = Structure of the 20th Century Russian Literature // *Obozrenie inostrannoj literatury*. 2003. № 3. S.147-153. (na kit.jaz.)
10. Mosinski Sjem. Proshhaj, Shanhaj. Vospominanija evreja-podrostka = Goodbye, Shanghai. Memories of a Teenage Jew. . Shanhaj: Shanhajskij knizhnyj magazin Shanlen', 2012. 240 s. (na kit.jaz.)
11. Pan Guan i Van Czjan'. Vostochnaja istorija evreev v Shanhae za poltora veka = Oriental History of Jews in Shanghai in a Century and a Half. Shanhaj: Izdatel'stvo obshhestvennyh nauk i literatury, 2002. 296 s.
12. Sjuj Chzhjen'nin. Russkaja jemigracija v Shanhae na fone velikih politicheskijh izmenenij (1945-1950) = Russian Expatriates in Shanghai in the Context of Great Political Change. Shanhaj: Vostochno-Kitajskij pedagogičeskij universitet, 2008. 51 s. (na kit.jaz.)

13. Sjun Juechzhi. Zhizn' russkih jemigrantov v Shanhae v period novoj istorii = The Life of Russian Emigrants in Shanghai in a New History. Shanhaj: Shanhajskoe slovarnoe izdatel'stvo, 2008. 569 s. (na kit.jaz.)

14. Huan Dintjan'. Pojavlenie russkih jemigrantov v pervoj polovine XX veka i ih social'naja struktura = The Emergence of Russian Emigrants in the First Half of the 20th Century and their Social Structure // Geograficheskij vestnik. 2004. № 12. S. 15-19. (na kit.jaz.)

15. Chzhan Czun'hua, Czjan Jan'hun, Han' Vjen'sjuan'. Russkaja dvorjanskaja jemigracija v Kitae posle Oktjabr'skoj revoljucii = Russian Noble Emigration to China after the October Revolution // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. № 5. 2017. S. 331-341.

16. Chzhun Nan. Drozh' ot chtenija Harbinskogo arhiva = Shiver from Reading the Harbin Archive // Hje-

jlunczjanske istoricheskie zametki. 2011. № 17. S. 25-27. (na kit.jaz.)

17. Chzhu Sjaoci. Obshhina russkih jemigrantov Shanhaja v novoj istorii = Russian Expatriate Community of Shanghai in New History // Ezhemesjachnyj vestnik nauki. 2002. № 11. S. 61-66. (na kit.jaz.)

18. Chzhu Sjaoci. Zametki o shanhajskoj gazete «Chaila = Notes on the Shanghai Newspaper “Chaila” // Obshhestvennye nauki. 2007. № 10. S. 147-153. (na kit.jaz.)

19. Shi Fan, Lju Shuan, Gao Lin. Istorija ruskoj jemigracii v Harbine = History of Russian Emigration in Harbin. Harbin: Hjejlunczjanskoe narodnoe izdatel'stvo, 2003. 630 s. (na kit.jaz.)